

Прожив сто лет не там, захлебываясь тьмой
Отчаянной зимы, уже сыгравшей в ясли,
Она летит домой,
Где астры на сносях и георгины гаснут,
Где распирает плод гранатовая вязь,
Где виноград горчит переизбытком сока,
Где закипает жизнь, на солнце пузырятся,
Как речь пророка.

— Когда придешь опять?

— Когда-нибудь потом!

Простым карандашом заточен каждый купол,
Но что такое дом,
Когда он как дитя накормлен и искупан?
Он пахнет молоком, лукав и уязвим,
То трет рукой глаза, то кусится легонько,
Но правда без него была б не то, что с ним —
Не слишком горькой.

— У нас пожар!

— Пожар?

— У нас война!

— Война?

Но уличный фонтан так нестерпимо сладок!
И так нежна стена
Любою из своих окаменевших складок.
Как тени во дворе тарелками гремят!

— Я больше не могу!

— Давай, кричат, до дна же!

И тень родных руин, цепляясь за гранат,
Перечеркнет подряд и наших, и не наших.

* * *

Она исправляла ошибки в его заикании,
Она вызывала короткое в нем замыкание.
Он страшно ошибся, однажды зимой подкатив к ней,
С улыбкою разоруженной и «г» фрикативным.

Она возмущалась его местечковым акцентом,
Пока они вместе тряслись от окраины к центру,
Но что-то возникло меж ними в трамвае, у двери ли
Не, боже мой, жалость, а что-нибудь вроде доверия.

Она уезжала надолго из выжатой области
И в письмах его укоряла в наивности, в робости.
Он, чувствуя как все непрочно, как шатко и зыбко,
Писал ей без мягкого знака: «Не плач, моя рыбка,

И выбрось, пожалуйста, золотко, всех этих мыслей».
Она говорила — «я с ним», он всегда только — «мы с ней»,
И жил в предвкушении счастья, ура первомайского,
Которое не испаряется, сколько ни мацайте.

И это предчувствие счастья держалось, не таяло,
Пока ее страшные мысли ее не состарили,
И, вымесив тесто, как текст, что впотьмах надиктован,
Она постепенно забыла, что с нею и кто он.

Он правил ошибки, бесцельно бродя по квартире,
Он метил в них, как в санаторском прокуренном тире.
Как будто она запятые повсюду расставила,
Он все повторял про себя по ночам эти правила.

И вновь ошибался, и жадно просил не ругать его,
Как не существительное без нее прилагательное.

* * *

Самый частый вопрос у людей — ты где?
Ты, блин, где? Почему не ответить сразу?
Я болтаюсь в предбаннике на гвозде
Заторможенный маятник пучеглазый.

Ну конечно, я здесь, мы уже сто лет
Забиваем безумьем густые соты;
Погоди, я возьму телефон в клозет,
На работе я, дома я, где еще-то?

Вроде мухи жужжащей из темноты —
Всех достала, а все-таки не видна им.
Ну, допустим, я знаю — где я, где ты.
Мы не есть друг у друга от этих знаний.

Вот умели же раньше! Когда? Тогда.
Колотились, клонясь над невнятной трубкой.
Мне не слышно, чем дальше — тем дальше, да,
Что ж так хрупко все, слышишь, зачем так хрупко?

Как родишься, в пеленках лежишь пластом,
А родившийся в мухах — летать не может.
Мама, я на войне, позвоню потом,
Или лучше сама набери попозже.

Как звонил бы домой Иисус с креста:
Вспыхнул было конфликт, но уже потушен.
Люди рядом хорошие, а места..!
Мама связь барахлит, никого не слушай.

* * *

Одни состарились, другие постарались
Забиться пылью, как дорожка на виниле,
Где опрокинутые навзничь пасторали
Отяжелевшими офелиями всплыли.

Все распадается в привычной обстановке,
А то, что держится, еще сильнее бесит,
Едва сойдешь с ума на первой остановке
От моря бедствий.

Едва отчаявшись до крайности ужаться,
Глотнешь тепла у магазина «вина-воды»
И замечаешь — все не то, чтобы ужасно.
А несвободно.

А дни беснуются настырнее, чем дети,
Которых к полночи еще не укротили.
Сирень мотается, запальчиво одета,
Как венценосная соседка по квартире.

Но, находясь по разным признакам вне мая,
Что тащишь в пятый угол, избежавший тленья?
Как будто надо оказать — но не вниманье,
Сопротивленье.

Пока еще в партере гаснут лица,
Но до финала ни один не выйдет.
И надо лишь восстать, вооружиться.
Заснуть и видеть.

* * *

А когда застывала в портфеле сменка,
И во рту замерзало больное «здравствуйте...»,
Надо было идти танцевать фламенко —
Обучаться холодным припадкам ясности.

Чтоб смеяться, едва получив затрещину,
И выкрикивать «agua!», как будто жарко —
Как с пеленок умеют другие женщины
И не выглядят жалко.

Надо было рожать — ну, почти что в детстве,
В злую эру варенья из дынных корок,
Когда тело — театр не военных действий,
А, скорее, театр одного актера.

Наглотавшись земли в плоскостопой местности,
Поднимая растущий живот как дыню,
Чтобы дольше потом оставаться вместе:
Вроде мамами, вроде бы молодыми.

Надо было тащиться, куда ни попадя,
За причастностью, как за святым причастием,
Чтобы наговориться с живыми, Господи,
Чтобы вслед не кричать им.

Так доходит посылка — быстрее, чем послана,
А лица долговечнее — отраженье.
Чтоб на эти слова: «Никогда не поздно»
Отвечать: «Неужели?»

* * *

Нет у покойного воли последней.
Собственно, нет никакой.
Братьям по смуте и сестрам по сплетне
Вечный предписан покой.

Как-то же надо осилить, освоить,
Как-то заделать края.
Нет никакой у покойного воли,
Максимум — воля Твоя.

Полный такой санитарный локдаун,
После линейки — отбой.
Ну и зачем ему воля, куда он
Дернется по грунтовой?

К рынку за перегоревшей черешней?
К банку, где клянчил кредит?
К дому, где маясь то больше, то меньше,
Коротко плакал навзрыд?